

вали падение внешней торговли, сохранили высокие темпы экономического роста. А что можно было сделать нам с нашей нефтегазовой трубой? Мы до кризиса только разговоры говорили и не вкладывали сверхдоходы в рыночную инфраструктуру, чтобы уменьшить, как назвал это Примаков, «сверхзависимость от экспорта сырья».

И получили то, что должны были получить. В частности, сегодня, кроме остальных экономических болячек, существует серьезнейшая системная неприятность: наша банковская система так и не избавилась от хронической недоразвитости; одолжить «длинные деньги» в России почти невозможно, а без этого бизнес не может заниматься серьезными проектами. Поэтому наши крупные предприниматели брали долгосрочные кредиты за рубежом, тем более, что процентные ставки там намного ниже наших. К началу кризиса накопилось около 500 млрд долл. долга. Поклонники «подушки безопасности» должны бы знать, что примерно столько же составляли все золотовалютные запасы России. Ничего хорошего в долгах, понятно, нет, но вот жалеть ли наш бизнес – это еще вопрос. Евгений Примаков напомнил, что, по данным Счетной палаты России, крупные российские корпорации, имеющие долги за рубежом, как только запахло кризисом, провели внеочередные собрания акционеров и выплатили значительные суммы в виде неких «промежуточных» дивидендов. Т. е. собственники крупного бизнеса сознательно забрали из оборота сотни миллиардов рублей, а затем... обратились за господдержкой (спасайте, погибаем, нищем, кризис душит, долги замучили!), и в ряде случаев финансовая помощь была оказана (деньгами налогоплательщиков, т. е. нашими). Вот это здорово, это очень по-нашему! А как насчет создания в России полноценной и доступной внутренней системы финансирования экономики, без которой нельзя рассчитывать на настоящее развитие? Да как-то так... как и раньше.

Еще один несостоятельный вывод: кризис будто бы показал, что доллар исчерпал себя как мировая резервная валюта, и уже маячит на горизонте «эра рубля». Напрасные надежды. В «смерти» доллара, кстати, практически никто не заинтересован, как заметил Евгений Примаков, потому что при удорожании евро к доллару европейские экспортные товары теряют конкурентоспособность, а снижение курса «зеленого» обесценивает резервы стран,

которые держат значительную часть валютных резервов в американских деньгах. Да и экономика Америки как была, так и осталась самой сильной в мире, несмотря на все финансовые штормы и смерчи. Особенно наивны российские прогнозы о превращении нашего рубля в резервную валюту. Мы слишком зависим от цен на сырье, 1% изменения цены на нефть вызывает колебания курса рубля примерно в 0,7%. Резервная валюта обязана быть устойчивой в условиях экономической непогоды. Для этого нужно иметь мощное современное инновационное хозяйство, а мы сегодня – всего лишь всемирная оптовая сырьевая база.

В этом плане кризис показал только одно: будет расти роль региональных и национальных валют. Все остальные рассуждения об «эре рубля» – прекраснотушные мечтания на берегах Москвы-реки, типичная маниловщина (читайте «Мертвые души» г-на сочинителя Н. В. Гоголя, господда, прежде чем делать прогнозы; очень помогает осознать собственное место в меняющемся мире).

Вот такие разочарования в прогнозах, целях, намерениях и уверениях преподнес нам ушедший год. С другой стороны, ушат холодной воды на некоторые головы – это неплохо: трезвит, бодрит, заставляет хоть на миг увидеть мир таким, какой он в действительности. А то, глядишь, снова нефть полезет в гору, снова начнем чваниться и пыхтеть на весь мир о нашем особенном непреходящем значении для цивилизации.

Что год пришедший нам готовит?

Стремление весьма солидных кругов смотреть на мир с «нефтяной колокольни», по мнению Примакова, может очень и очень навредить стране в будущем. Нужно не смотреть назад, вспоминая докризисные времена, а переводить экономику на инновационные рельсы, менять саму структуру хозяйства, модернизировать его, иначе мы безнадежно отстанем от мира. Как подчеркнул Евгений Примаков, по мехой на этом пути становится прежде всего инерционное мышление очень влиятельных кругов, которые уповают на возвращение сырьевых цен к докризисному уровню. Такое мышление, как предупредил академик, «объективно ведет к превращению России в сырьевой придаток мировых держав, не только «традиционных», но и Китая. Последствия этого для России

пагубны и в экономической, и в социальной, и в политической областях».

Какое направление в конце концов победит в стране, пока непонятно, несмотря на декларации и заявления высшей власти, на принимаемые ей программы. Непонятно уже потому, что у нас любые начинания, если надо, вполне успешно тормозят и сводят на нет круги, которым это невыгодно и неинтересно. А то, что сегодня каждый чиновник и каждый крупный бизнесмен спешит расписаться в любви к инновационной экономике, еще ничего не значит. Колебаться вместе с колебаниями генерального курса значит гарантированно усидеть в кресле и сохранить свой бизнес. Будет ли делаться дело – вот критерий в ситуации, когда многим выгодно и приятно нежиться на сырьевой перинке, тем более что от униженных и оскорбленных пока что можно время от времени легко откупаться объедками с обильного стола. Кстати, чтобы было ясно: слезать с сырьевой иглы совсем не значит повернуться спиной к сырьевым компаниям, как это нередко представляется. Глава ТПП РФ напомнил, что мы еще очень долго будем зависеть от выплачиваемых сырьевым сектором взносов, пополняющих бюджет, и уже поэтому этот сектор должен занимать достойное место в новой экономической модели.

Переход на путь инновационной экономики возможен в России прежде всего при опоре на средние и малые предприятия, как считает Примаков. Надо также серьезно поддержать военно-промышленный комплекс, потому что именно в ВПК находится наибольшая часть научно-технического потенциала страны, необходимого для инновационного развития экономики. Эти технико-технологические достижения должны наконец стать доступными для гражданского производства, как, например, в тех же США.

По мнению Евгения Примакова, продвигать, вернее, стимулировать научно-технический прогресс в России должно государство. Причина проста: у нас нет полноценной конкуренции, такой, как на Западе, которая там буквально заставляет бизнес разрабатывать и применять инновации – иначе просто вылетишь из седла. У нас ситуация другая, и поэтому пока именно государство должно поддержать инновационный бизнес. Как? Так, как во всем мире поддерживают направления, которые нужно «раскрутить»: снизить налоги, предоставить налоговые каникулы, субсидировать процентные ставки на кре-